

В самом начале осени по равнине к северу от столицы государства Цин пробежали тени редких облаков. Крестьяне в поле трудились, не разгибая спин; у них не было желания наслаждаться красотами пейзажа и тем, как бог играет светом и тенью, забавляясь с облаками. Они просто стремились собрать золотистый урожай до того, как набегут тучи с дождём. В этом году дождей было больше, чем обычно. Поговаривали, что на юге великая река вышла из берегов и многие пострадали от наводнений, но тех, кто жил севернее, спасали плотины, и они остались не затронутыми бедствиями; их намного больше заботили проклятые дожди, которые могли задержать сбор урожая.

Время от времени находились особо дерзкие толстые полевые мыши, которые бесстрашно шмыгали под ногами крестьян, чтобы утащить к себе в нору упавшие на землю зёрна. Крестьяне были слишком сосредоточены на жатве, чтобы отвлекаться и махать серпом, пытаясь убить вредителей. По обе стороны от казённой дороги бесконечно тянулись зерновые поля. Звуки серпов, срезающих стебли, медленно сливались вместе, следуя правильному ритму, который рождал в душе слушающего замечательное чувство удовлетворения.

Обнажённые по пояс тощие крестьяне обратили лица к жёлтой земле, а спины к небу, демонстрируя безразличным небесам множество царапин на теле, оставленных острыми кусочками стеблей, летящими во все стороны во время жатвы. Никто не обратил внимания, как по казённой дороге медленно подъехала процессия повозок, которой, казалось, не было ни конца, ни края.

Делегация послов из государства Цин в Северную Ци наконец-то выполнила своё обещание выехать весной, вернуться осенью и в девятом месяце снова оказалась на родной земле.

Однако похоже, что процессия, следующая обратно, была куда величественнее, чем та, что покинула страну. Кроме даров со стороны Северной Ци, которые должны были продемонстрировать ответный жест доброй воли, добавилось ещё немало сопровождающих принцессу-невесту чиновников и почётной охраны, что должно было показать, насколько серьёзно относятся в Северной Ци к её браку. В конце концов, две страны впервые скрепляли свой союз браком, никто не знал, какие поворотные возможности может принести с собой выдача принцессы замуж в другую в страну на континенте, где всего лишь двадцать лет как улеглись яростные сражения.

Кроме роскошной повозки принцессы из Северной Ци, в длинном хвосте каравана была ещё одна повозка, особо привлекающая внимание. По сравнению с разноцветными повозками сопровождающих принцессу из Северной Ци и чёрными повозками чиновников государства Цин, эта повозка очевидно выглядела намного беднее, и хотя в неё был запряжён отличный конь, но даже он обессиленно мотал головой.

В посольской миссии все знали, что всё дело в том, что эта повозка была слишком тяжёлой. В ней лежали книги, которые перед самой смертью прославленный литератор Северной Ци Чжуан Мохань завещал в дар главному послу Фань Сяню. Хотя эти книги и не особо привлекали взгляд, но тем не менее даже жемчуга и сокровища из приданого принцессы не весили настолько много. Каждый раз, смотря на эту повозку, люди посольской миссии невольно ощущали некоторую долю почтения: не только из-за известности господина Фань Сяня, но ещё и из-за того, что преклонялись перед его учёностью. Все они ясно видели, что,

проезжая несколько небольших княжеств по дороге из Северной Ци и после въезда на родину за Цанчжоу, господин Фань не вылезал из этой повозки, днём и ночью читая книги. Даже выходя поесть или отдохнуть, он всегда делал это с большой неохотой.

— Я так больше не могу.

Фань Сянь вздохнул и положил сборник стихов прошлых династий, который держал в руках, обратно в сундук; встречный ветер сдул занавеску, которая загородила вход в повозку, тут же подняв облако пыли внутри. Выражение лица разглядеть было нельзя, но по голосу легко было догадаться, что нашего господина Фань Сяня вовсе не радовала необходимость сидеть в повозке с книгами и притворяться прилежным книжным корифеем.

По дороге на юг всё шло очень гладко. Старшая принцесса Северной Ци, оправившись после скорби по ушедшему из жизни Чжуан Моханю, снова приобрела важный вид, приличествующий благородной особе, и не доставляла ему никаких хлопот. Напротив, на почтовых станциях и в управлении городской стражи Фань Сянь иногда обменивался с прелестной принцессой парой слов, говоря о самых простых вещах, чтобы разогнать дорожную скуку. Хотя, будучи чиновником, он не смел позволить себе ничего хоть немного выходящего за рамки учтивости, но всё же беседовать с девушкой было гораздо приятнее, чем с хладнокровным мечником Гао Да или этой ледышкой Янь Бинъюнем.

Однако это прекратилось, как только они проехали через Цанчжоу. И не потому, что на земле государства Цин Фань Сянь не смел разговаривать с будущей супругой старшего принца, а потому, что в составе их посольской делегации появился ещё один человек. У него был особый статус, необычное происхождение, и он находился в непонятных отношениях с неким господином из состава делегации. Этот человек постоянно сидел в повозке старшей принцессы. Фань Сяню не хотелось каждый день наблюдать за её заплаканным лицом убитой горем девушки, поэтому он прятался в своей повозке, переложив задачу разбираться с проблемой на Янь Бинъюня.

По дороге из Контрольной палаты постоянно приходили донесения. Однако по странным убийствам на юге до сих пор не удалось найти никаких зацепок, а кроме этого дела, ничего особого не сообщалось. Никто не ожидал, что самые ошеломляющие новости придут с севера.

Шэнь Чжун умер. Одной дождливой ночью под охраной трёх мастеров из рядов стражей в парчовых одеждах он ехал в паланкине и был прямо в нём проткнут длинным копьём генерала Шаншань Ху.

Так грозный командующий контрразведки вслед за знаменитым главой шпионов Северной Ци Сяо Энем вдруг погиб такой бесславной смертью. Эта, казалось бы, абсурдная новость уже была подтверждена как самая что ни на есть истинная. Фань Сянь помассировал виски и горько рассмеялся, подумав, что в словах донесения от Ван Циняня тоже невольно чувствовалось его удивление.

В донесении говорилось, что в ту дождливую ночь с головы до ног облачённый в чёрные доспехи Шаншань Ху с копьём в руках въехал на улицу Чанцзе, припустил коня в галоп и в одно движение проткнул копьём голову сидящего в паланкине Шэнь Чжуна, затем крутанул копьём, расшвыряв окружавшую его охрану. Когда он, подняв копье, умчался на лошади обратно в поместье, дождь на улице Чанцзе, похоже, снова набрался храбрости, чтобы закапать. Такого рода могущество и правда выглядело устрашающе. Небывалый мастер выше девятого уровня, используя подобный дерзкий приём, сразу же уничтожил все скрытые заговоры, одной своей боевой мощью посылая вызов всем авторитетным фигурам при дворе. Это уже нельзя было назвать безрассудством, это скорее называлось лютой жестокостью.

Кто бы мог подумать, что Шаншань Ху окажется настолько варварски жестоким. Фань Сянь знал, что постоянно недооценивал, насколько закалились сердца военных на поле боя. Невольно он ощутил, как голова разболелась ещё сильнее, и, как он ни разминал виски кончиками пальцев, слабее боль не становилась. В конце концов, слишком много людей знали о его бесславной роли в ходе побега Сяо Эня. Даже если бы Тань У перед тем, как изуродовать себе лицо и покончить с жизнью, не воскликнул: «Меня убил Фань Сянь!», наверняка Шаншань Ху всё равно бы записал смерть Сяо Эня и предательство со стороны важных персон при дворе Южной Цин на счёт Фань Сяня.

Фань Сянь лишь надеялся, что мирные отношения между двумя странами продлятся как можно дольше, что никогда не начнётся война и у Шаншань Ху не будет возможности на поле сражения свести с ним счёты.

Конечно, в смерти Шэнь Чжуна было немало сомнительных моментов: в конце концов, он командовал стражами в парчовых одеждах. Каким бы лютым и жестоким ни был Шаншань Ху, как бы ни гневались военные, убить подобную фигуру прямо на улице не такое уж простое дело. И реакция двора Северной Ци на произошедшее только подтвердила это. Дворец ничего не предпринимал целую ночь, а потом всего лишь наложил на Шаншань Ху домашний арест и лишил его титула; к тому же были обнародованы шокирующие общественность противозаконные дела, которые успел за все эти годы провернуть Шэнь Чжун. Все они перечислялись в императорском указе, топя только что умершего Шэнь Чжуна в грязных водах настолько, что отмыться от подобного уже вовек не представлялось возможным.

Имение Шэнь конфисковали, в рядах стражей в парчовых одеждах провели генеральную зачистку. Военные наконец вздохнули спокойно, а молодой государь хоть и продолжал отмалчиваться, но, видно, в душе тоже одобрял происходящее, потому что после всего этого гнев Шаншань Ху на императорскую семью, должно быть, сильно смягчился. Однако такого свирепого тигра, как Шаншань Ху, действительно сложно удерживать под контролем. Уже по одному тому, что его посадили в столице под домашний арест, можно было понять, какая головная боль была даже в том, чтобы как-то наказать его. Казнить, конечно, было нельзя: никому не хотелось разбираться с ответной реакцией на подобное со стороны военных. Отпустить — тоже нельзя: если свирепый тигр вернётся на гору, то кто знает, какими последствиями это может обернуться.

Фань Сянь покачал головой: он не ожидал, что Хайтан прислушается к его словам и с Шэнь Чжуном разберутся настолько быстро и жестоко. Но, вообразив картину того, как дождливой ночью Шаншань Ху убивает Шэнь Чжуна, он невольно ощутил приятное сердцу восхищение, вместо того чтобы начать беспокоиться о своей безопасности. Решительное и безжалостное

убийство, радость от осуществления мести... Когда Шаншань Ху, скача на лошади, медленно поднимал своё чёрное копье, чтобы забрать жизнь Шэнь Чжуна, пожалуй, в его глазах не было и тени страха ни перед чем в этом мире. Насколько же дерзко на улице Чанцзе той ночью, должно быть, низвергался дождь на землю?

Фань Сянь приоткрыл занавеску. Не прося кучера остановить лошадей, он прямо так спрыгнул с повозки и встал посреди казённой дороги. Он помахал рукой, разгоняя жёлтую пыль, посмотрел на трудящихся в поте лица крестьян в полях по обе стороны от дороги, и его сердце дрогнуло; он тут же задвинул подальше в памяти все эти дела Северной Ци. Эти дела уже не могли повлиять на него, и у него пока не было возможности повлиять на них, поэтому лучше всего было забыть об этом на время.

Он поднял голову и прищурившись посмотрел на небо, где солнце то сияло, то скрывалось за облаками. Прикинув, что сегодня они успеют добраться до Лунцуань, он немного успокоился. Принцесса ехала в чужие края, чтобы выйти замуж; при обычных обстоятельствах её процессия должна была ехать гораздо медленнее, чем сейчас. Но у Фань Сяня на душе было беспокойно, поэтому он воспользовался тем, что никто среди чиновников посольства не мог ему возразить, и сильно ускорил их движение. Видя, что скоро они въедут в столицу, он наконец перестал думать о своей семье. Завтра, должно быть, он уже сможет увидеть Вань'эр. Интересно, как она там, улучшилось ли её здоровье. Что же касается сестры и на случай, если У Чжу тоже в столице, то с ними, должно быть, всё хорошо.

Забравшись на другую повозку позади своей, он глянул на притворяющегося спящим Янь Бинъюня, нахмурился и осуждающе сказал:

— Сам наделал дел, сам разгребай. Мы вот-вот въедем в столицу, неужели ты так и оставишь её следовать за старшей принцессой? Если сторона Северной Ци узнает, что мы покрываем их тяжкую преступницу, то как должен будет отчитываться наш императорский двор?

Янь Бинъюнь открыл глаза, склонил голову набок, не смотря на своего начальника, а устремив взгляд на золотые поля за окном повозки. В его глазах промелькнул намёк на внутреннюю борьбу, но в итоге он равнодушно сказал:

— Смерть Шэнь Чжуна — это лишь ещё один шаг молодого императора в борьбе за власть, а что касается её жизни или смерти, то я полагаю, что Северную Ци это ни капли не волнует.

Фань Сянь, продолжая смотреть на него, вдруг смягчил голос:

— Если и тебя не волнует её жизнь или смерть, то доверь это дело мне.

Янь Бинъюнь медленно повернул голову, на мгновение в его взгляде промелькнула суровость:

— Нам ничем не поможет её смерть.

— Раз не хочешь с ней расставаться, значит, не хочешь. — Фань Сянь покачал головой: — Я сначала решил, что ты незаурядная личность, не ожидал, что ты тоже настолько склонен к самообману.

Янь Бинъюнь ничего не ответил, в молчании он снова отвернулся и продолжил смотреть в окно на то, как крестьяне жнут богатый урожай.

В пышной и дорогой повозке впереди каравана старшая принцесса Северной Ци тихо вздохнула и, посмотрев на с детства самую близкую подругу, глядящую в окно, ничего не сказала. Удачно сбежавшая из столицы Северной Ци барышня Шэнь сейчас сложила руки и голову на оконный переплёт и потерянным взглядом смотрела на тот же пейзаж, что и Янь Бинъюнь. Кто знает, о чём она думала: то ли о разорвавшем их отношения возлюбленном, то ли о том, что у неё больше не осталось дома и семьи, а может, о том, как горестно покидать родные края.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/4275155>